

На свадьбе, что состоялась вскоре после нашей собственной, я двинулась за Патриком сквозь плотную толпу к одиноко стоявшей женщине.

Он сказал, что, вместо того чтобы посматривать на нее каждые пять минут и грустить, мне нужно просто подойти и похвалить ее шляпку.

— Даже если шляпка мне не нравится?

— Ясное дело, Марта, — сказал он, — тебе вообще ничего не нравится. Давай.

Женщина взяла у официанта канапе и как раз засовывала его в рот, когда заметила нас, одновременно понимая, что не справится с ним за один укус. Пока мы приближались, она опустила подбородок и постаралась скрыть свои усилия пустым бокалом и пачкой коктейльных салфеток в другой руке. Но, хоть Патрик и затаил свое приветствие, никто из нас не смог разобрать ее ответ. Она ужасно смутилась, так что я заговорила сама: словно кто-то дал мне задание произнести минутную речь на тему женских шляпок.

Женщина отвечала серией коротких кивков и, как только ей удалось совладать с канапе, спросила, где мы живем и чем занимаемся, и правильно ли она поняла, что мы женаты, и сколько мы уже вместе, и главное — как мы познакомились: количество и скорость заданных вопросов были способом отвлечь внимание от полусъеденного объедка на промасленной салфетке в ее

ладони. Пока я отвечала, она украдкой поглядывала вокруг в поисках места, куда его можно деть, а когда я закончила, сказала, что не совсем поняла мои слова о том, что мы с Патриком не знакомились по-настоящему, что он «просто всегда был где-то рядом».

Я повернулась, чтобы взглянуть на мужа, который в этот момент пытался пальцем выловить что-то невидимое из своего бокала, затем вновь взглянула на женщину и пояснила, что Патрик как диван, что стоит в доме, где ты выросла.

— Его существование — это некая данность. Ты никогда не задаешься вопросом, откуда он взялся, потому что не помнишь времена, когда его тут не было. Даже сейчас, если он до сих пор стоит на своем месте, никто об этом всерьез не задумывается.

— Хотя полагаю, — продолжила я, потому что женщина не шелохнулась и не сказала ни слова, — что, если надавить, ты сразу сможешь перечислить все его недостатки. И их причины.

Патрик сказал, что, к сожалению, это так.

— Марта могла бы представить вам целый реестр моих недостатков.

Женщина рассмеялась, затем мельком взглянула на сумочку, которая свисала с ее предплечья на тонком ремешке, словно оценивая ее потенциал в качестве мусорной корзины.

— Так, кому тут повторить? — Патрик направил на меня два указательных пальца и изобразил, что нажимает большими пальцами на спусковые крючки. — Марта, я знаю, ты не откажешься. — Он указал на бокал женщины, и она отдала его. Затем он сказал: — Хотите, я захвачу еще вот это?

Она улыбнулась и, казалось, была готова расплакаться, оттого что он избавил ее от недоеденного канапе.

Когда он ушел, женщина сказала:

— Вы, наверное, очень счастливы быть замужем за таким мужчиной.

Я сказала «да» и задумалась, как объяснить, в чем недостатки брака с человеком, которого все считают милым, но вместо этого спросила, где она купила такую потрясающую шляпку, и стала ждать возвращения Патрика.

С тех пор диван стал нашей дежурной историей в ответ на вопрос, как мы познакомились. Мы рассказывали ее восемь лет, порой с небольшими вариациями. Люди всегда смеялись.

✧

Есть такая гифка: «Принц Уильям спрашивает у Кейт, не хочет ли она еще выпить». Мне ее однажды отправила сестра. Она написала: «Я рыдаю!!!» Они находятся на каком-то приеме. Уильям в смокинге. Он машет Кейт, которая стоит в другом конце комнаты, и изображает, как допивает что-то из стакана, затем указывает на нее пальцем.

— Этот его палец, — добавила моя сестра, — реально Патрик.

— Разве что метафорически, — ответила я.

Она прислала эмоджи с закатившимися глазами, бокалом из-под шампанского и указательным пальцем.

В тот день, когда я вернулась к родителям, я снова нашла эту гифку. Я посмотрела ее пять тысяч раз.

✧

Мою сестру зовут Ингрид. Она на пятнадцать месяцев младше меня и замужем за мужчиной, которого встретила, рухнув у него перед домом, когда он выкатывал на улицу мусорные баки. Она беременна четвертым ребенком: когда она написала, что это опять будет мальчик, то прислала эмоджи с бакла-

жаном, вишенками и ножницами. Она добавила: «Хэмишу не-метафорически надо кое-что отрезать».

Когда мы росли, все думали, что мы близнецы. Мы отчаянно хотели одеваться одинаково, но мать не разрешала. Ингрид однажды спросила:

— Ну почему?

— Потому что все подумают, что это я так захотела, — мать осмотрела комнату, в которой мы находились, — а я ничего такого не хотела.

Позднее, когда мы обе вступили в пору пубертата, мать сказала, что Ингрид, очевидно, достался весь бюст, так что остается надеяться, что я получу мозги. Мы спросили, что из этого лучше. Она сказала, что лучше иметь либо и то и другое, либо ничего — одно без другого неизбежно летально.

Мы с сестрой по-прежнему похожи. У нас одинаковые слишком квадратные челюсти, но, по мнению нашей матери, нам это как-то сходит с рук. Наши волосы имеют одинаковую тенденцию путаться, обычно длинные, они были одного и того же блондинистого оттенка, пока мне не исполнилось тридцать девять и как-то утром я не осознала, что приход сорокалетия мне не остановить. В тот же день я отстригла их вровень со слишком квадратной челюстью, а потом вернулась домой и обесцветила средством из супермаркета. Пока я этим занималась, зашла Ингрид и использовала остатки. Мы обе мучительно пытались поддерживать этот цвет. Ингрид сказала, что легче было бы завести еще одного ребенка.

Я с юности знала, что, хотя мы очень похожи, все считали, что Ингрид красивее меня. Однажды я сказала об этом отцу. Он ответил:

— Может, на нее и смотрят в первую очередь. Но на тебя хочется смотреть дольше.

В машине по пути домой с последней нашей с Патриком вечеринки я сказала:

— Когда ты тычешь в меня пальцем, мне хочется пристрелить тебя из настоящего пистолета.

Мой голос был сухим и неприятным, и он мне не нравился — как и Патрик, когда он ответил: «Отлично, спасибо» — совершенно без эмоций.

— Но не в лицо. Скорее предупредительный выстрел, в колесо или еще куда, чтобы ты мог ходить на работу.

Он сказал, что рад это слышать, и ввел наш адрес в Гугл-карты.

Мы жили в одном и том же доме в Оксфорде уже семь лет. Я указала ему на этот факт. Он ничего не ответил, и я взглянула на него: как он сидит на водительском сиденье и спокойно ждет просвета в потоке машин.

— Теперь ты делаешь эту штуку челюстью.

— Знаешь что, Марта. Давай не будем разговаривать, пока не доедем до дома. — Он вытащил телефон из держателя и молча убрал его в бардачок.

Я сказала что-то еще, затем наклонилась вперед и включила печку на максимум. Когда в машине стало удушающе жарко, я выключила обогрев и полностью опустила стекло. Оно было покрыто инеем и, опускаясь, издало скрип.

У нас была собственная шутка, что я во всем мечусь между крайностями, а он всю жизнь живет, придерживаясь середины. Прежде чем выйти из машины, я сказала:

— Тот оранжевый значок до сих пор горит.

Патрик ответил, что планирует долить масло на следующий день, заглушил двигатель и зашел в дом, не дожидаясь меня.

Мы взяли дом в аренду на случай, если все пойдет не так и я захочу вернуться в Лондон. Патрик предложил Оксфорд, потому что тут он учился в университете и думал, что в небольшом городе недалеко от Лондона мне будет легче завести друзей, чем в других местах. Мы продлевали аренду на шесть месяцев уже четырнадцать раз, словно в любой момент все еще могло пойти не так. Агент по недвижимости говорил нам, что это Дом Представительского Класса в Квартале Представительского Класса и поэтому он идеально нам подходит, хотя ничего представительского ни в одном из нас нет. Один работает врачом-консультантом отделения интенсивной терапии. Другая пишет смешную колонку о еде для журнала «Уэйтроуз» и гуглит «стоимость суточного пребывания в психиатрической клинике», пока муж на работе.

Представительский класс дома находил внешнее выражение в необъятности ковра цвета тауп и многообразии нестандартных розеток, а внутреннее — в постоянном чувстве беспокойства, что он нагонял на меня, когда я оказывалась там одна. Кладовка на верхнем этаже была единственным местом, в котором у меня не возникало ощущения, что за спиной кто-то стоит: комната была маленькой, а за окном рос платан. Летом он загораживал вид на неотличимые от нашего Дома Представительского Класса по другую сторону тупика. Осенью опадающие листья залетали в дом и скрашивали ковер. В этой каморке я и работала, хотя, как мне частенько напоминали разные незнакомцы в ситуациях социального взаимодействия, писать можно в любом месте.

Редактор моей смешной колонки про еду присылал пометки с комментариями вроде «не поним. отсылку» или «перефразируй пож-та». Он использовал режим рецензирования. Я нажи-

мала «принять-принять-принять». После того как он убирал все шуточки, это была просто колонка про еду. Судя по «ЛинкедИн», мой редактор родился в 1995 году.

✧

Вечеринка, с которой мы ехали, была устроена в честь моего со- рокового дня рождения. Патрик запланировал ее, потому что я сказала, что мне не до праздника.

Он ответил:

— Нам надо атаковать этот день.

— Да ну.

Однажды в поезде мы слушали какой-то подкаст, поделив на- ушники. Патрик соорудил из своего джемпера подушку, чтобы я могла положить голову ему на плечо. Это был выпуск переда- чи «Диски для необитаемого острова»¹ с архиепископом Кен- терберийским. Он рассказывал, что много лет назад потерял в аварии своего первого ребенка.

Ведущая спросила, как он с этим справляется. Он ответил, что усвоил: когда наступает годовщина смерти, Рождество и ее день рождения, нужно атаковать этот день, «чтобы он не атако- вал тебя».

Патрик жадно ухватился за этот принцип. Стал постоянно его повторять. Он произнес его, когда гладил рубашку перед ве- черинкой. Я оставалась в кровати, смотрела на ноутбуке «Битву пекарей»: старый эпизод, который я уже видела. Одна участни- ца вытащила чью-то запеченную «Аляску» из холодильника, и та растаяла в форме для запекания. Эта история заняла все первые полосы: диверсантка на кухне «Битвы пекарей».

¹ Радиопередача, в которой разным знаменитостям предлагается выбрать восемь записей, одну книгу и один предмет роскоши, которые они могут взять с собой на необитаемый остров.

Когда этот эпизод впервые вышел в эфир, Ингрид написала мне эсмэску. Она сказала, что готова биться об заклад, что десерт вытащили нарочно. Я сказала, что не определилась со своей позицией. Она прислала мне все эмоджи с тортами и полицейской машиной.

Когда Патрик закончил гладить рубашку, он подошел, сел на кровать почти рядом со мной и стал наблюдать, как я смотрю шоу.

— Нам нужно...

Я ударила по клавише пробела.

— Патрик, мне кажется, это не тот случай, когда надо ссылаться на епископа Как-его-там. Это просто мой день рождения. Никто не умер.

— Я просто стараюсь быть позитивным.

— О'кей. — Я снова ударила по пробелу.

В следующий раз он сообщил мне, что уже без пятнадцати.

— Тебе не пора собираться? Я бы хотел прийти в числе первых. Марта?

Я закрыла ноутбук.

— Можно я пойду в том, что на мне сейчас? — Легинсы, жаккардовый кардиган и не помню что под ним. Я подняла глаза и поняла, что обидела его. — Прости-прости-прости. Я переоденусь.

Патрик арендовал второй этаж бара, в который мы обычно ходили. Я не хотела оказаться там в числе первых, раздумывая, сидеть мне или стоять в ожидании гостей, гадать, придет ли кто-нибудь вообще, чувствовать неловкость за того несчастного, кто придет самым первым. Я знала, что моей матери там не будет, потому что попросила Патрика ее не приглашать.

Пришли сорок четыре человека, все парами. После тридцати лет числа всегда четные. Стоял ноябрь, и было очень холодно. Все очень долго расставались со своими пальто. Это были в основном друзья Патрика. Я потеряла связь со своими

друзьями из школы и университета и со всех работ, на которых оказывалась: один за одним они заводили детей, а я нет, и нам становилось не о чем разговаривать. По пути на вечеринку Патрик сказал, что я могла бы хоть постараться изобразить интерес, если кто-то все же начнет рассказывать про своих детей.

Люди стояли кружком и пили «Негрони» — 2017 год был годом «Негрони», — и очень громко смеялись, и произносили импровизированные речи: по одному человеку из каждой группы, словно представители команды. Я нашла туалет для инвалидов и там расплакалась.

Ингрид сказала, что боязнь дней рождения называется «фрагапанофобия». Это был познавательный факт, напечатанный на отклеивающихся полосках бумаги с прокладок, которые, как она говорила, теперь были главным источником ее интеллектуальной стимуляции и единственным чтивом, на которое ей хватало времени. В своей речи она сказала: «Мы все знаем Марту как отличного слушателя, особенно если говорит она сама». У Патрика были какие-то записи на небольших листочках для заметок.

Нельзя определить один конкретный момент, когда я стала вот такой женой, однако если бы пришлось его выбирать, то эпизод, когда я пересекла помещение и попросила мужа не зачитывать, что бы он там ни написал на своих листочках, был бы одним из претендентов.

Любой свидетель моего брака подумал бы, что я даже не старалась стать хорошей женой или женой получше. Или конкретно в тот вечер решил бы, что стать такой было моей целью, к которой я целенаправленно стремилась в течение долгих лет. Они бы не поняли, что большую часть взрослой жизни и весь мой брак я старалась стать собственной противоположностью.